

Olga ANCHIMIUK

Uniwersytet w Białymstoku
anchimiuk.olga@o2.pl

Владимир ЗАЙКА

Uniwersytet w Białymstoku
w.i.zaika@gmail.com

К ВОПРОСУ ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ РУКИ В ПОРТРЕТЕ ПРЕПОДОБНОГО ИОАННА ДАМАСКИНА

Наше исследование особенностей изображения внешности в описаниях святых, подвижников, мучеников находится на стыке нескольких проблемных областей: словесного портрета, специфики словесного и несловесного изображения святого, проблемы тела в культуре.

Изображение святого отличается в православном и католическом христианстве. Принципиальное отличие изображений на православных иконах состоит в том, что на них нет демонстрации атрибута мученичества.

Относительно восточной иконы сказано, что «каждая деталь лица, жест или положение тела имеют символический характер: высокий лоб означает мудрость и глубокомыслие; большие глаза – проникновение в божественные тайны; тонкие губы – аскетизм; удлинённые пальцы – духовное благородство и чистоту деяний; наклон головы – внимание к Божественному внушению, голосу Божьему, который святые слышат в глубине своего сердца; чуть склонённая фигура – покорность воле Божией...»¹.

¹ Архимандрит Рафаил О языке православной иконы, «Сатисъ», Санкт-Петербург 1997, С. 4.

Изображение в католицизме является намного более богатым на атрибуты, поскольку детализация, как полагают, соответствует пониманию религии и не настолько сдерживается живописными канонами, как в православии. Например, в католичестве «часть [тела] мученика, которая подверглась глумлению, становится знаком, атрибутом, который позволяет распознать святого среди равных той частью, которую он демонстрирует: глаза св. Луции или св. Отилии, внутренности св. Мамлиса или св. Эразма, грудь св. Агаты или зубы св. Аполлины»².

Один из святых, переживших страдание, – Иоанн Дамаскин (ок. 675, Дамаск, Арабский халифат – ок. 753 (780) почитаем как в Католичестве, так и в Православии в лике преподобных. Во время возникновения в Византии ереси иконоборчества, св. Иоанн Дамаскин написал трактаты в защиту иконопочитания. Император Лев III, бывший на стороне еретиков, чтобы дискредитировать Иоанна Дамаскина приказал, подделав почерк и стиль, от его имени составить письмо, в котором Иоанн Дамаскин будто бы предлагал свою помощь в завоевании Дамаска. По решению халифа Иоанн был наказан отсечением правой руки, которая была повешена на городской площади. Иоанн выпросил руку обратно и, закрывшись, приложив отсеченную руку к суставу, стал молиться перед иконой Божьей Матери. Вскоре он заснул, а проснувшись, обнаружил руку чудесным образом излеченную.

Изображения руки, которое бы напоминало о событии мучения и чудесного исцеления на православных иконах св. Иоанна Дамаскина нет. Косвенно об этом напоминает икона «Троеручица», на которой мы видим серебряную вотивную³ руку принесенную Иоанном Дамаскиным Божьей Матери в дар за чудесное исцеление.

Словесные изображения св. Иоанна Дамаскина, конечно, содержат указания на мучение и предмет мучений, но в разных текстах совершенно по-разному.

В **словесности**, в отличие от живописи, облик человека создается совершенно иными средствами. Различие средств, в первую очередь,

² Historia ciała. T. 1, Od renesansu do oświecenia / tom pod red. Georges'a Vigarello; aut. Daniel Arasse [et al.]; przeł. Tomasz Stróżyński, Slowoobraz terytoria, Gdańsk 2011, s. 65.

³ Вотивный – приносимый в дар божеству.

определяются нелинейностью пластического и линейностью вербального искусства. Тем не менее, в словесности используется живописный термин **портрет**, под которым понимается «изображение внешности героя (черт лица, фигуры, позы, мимики, жеста, одежды) как одно из средств его характеристики»⁴. Также принято считать, что создание внешнего облика человека и в целом предмета в подробностях обеспечивается **описанием**.

Однако в самой словесности изображения одних и тех же предметов существенно различаются. Например, изображение святых принципиально различно в **литературе художественной** и **литературе житийной** в силу того, что эти виды литературы преследуют различные цели и, кроме того, имеют совершенно различную генетику.

С. С. Аверинцев, сравнивая особенности древних литератур (библейской и греческой), отмечал, что конститутивным критерием для литературной культуры греческого типа является описание, именно оно специфично для «художественной» литературы как таковой⁵. Экфрасис – собственно описательный жанр – определялся так: «описательное слово, которое наглядно представляет перед глазами изъясняемое», «экфрасис отличается от повествования тем, что второе содержит голое изложение событий, между тем как первый тщится как бы превратить слушателей в зрителей»⁶. В греческой литературе «мир как «космос» оказывается адекватно схваченным через незаинтересованное статичное описание, а мир как «олам» [в древнееврейской], напротив – через направленное во время повествование, соотношенное с концом, с исходом, с результатом, подгоняемое вопросом: «а что дальше?»⁷.

Эта ненаправленность на особенности пространства в целом и потому скудость на детали в житийной литературе восходит к литературе библейской.

При описании св. Иоанна Дамаскина один из элементов внешности – рука, часть тела, как объект насилия и впоследствии исцеления, является относительно частотным предметом упоминания.

⁴ Литературный энциклопедический словарь. Москва 1987. С. 289.

⁵ Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции, Москва 1996. С. 31–32.

⁶ Там же. С. 69.

⁷ Там же. С. 116–117.

Чтобы представить принципиальные различия в вербальном изображении святого в разных типах словесности, ограничимся особенностями словесного изображения руки.

Человеческая рука как объект человеческого же внимания существенна вообще. Об этом свидетельствуют показания языка. В [СУ] и [МАС] зафиксировано 10 основных значений лексемы рука. Также эти словари также имеют значительную заромбовую часть. В Толковом словаре русского языка В. Д. Дмитриева описаны 73 употребления, включающие фразеологические. Такое значительное количество лексических значений и фразеологизмов с компонентом *рука* свидетельствует о важности этой части тела в культуре человека и созданной им картине мира. С этим коррелирует и тот факт, что рука наполнена символическим содержанием.

В словаре символов подробно описывается разнообразная семиотика руки в самых различных культурах⁸.

В поле нашего зрения находится несколько текстов: «Четыи Минеи» св. Димитрия Ростовского (1689–1705) далее: (ЧМ), «Żywoty Świętych Starego i Nowego Zakonu» ks. P. Skargi (PS), художественные тексты: повесть иерея Н. Агафонова «Иоанн Дамаскин» (2009) и одноименная поэма А. К. Толстого (1859), кроме того перевод так называемого Арабского жития св. Иоанна Дамаскина, написанного монахом Михаилом в XI веке⁹.

Мы сравним тексты жизнеописаний (ЧМ), и (PS), которые восходят к одному источнику – Арабскому житию св. Иоанна Дамаскина, что отражено в практически идентичной последовательности описываемых событий.

В текстах жизнеописаний в связи со следованием жанровым требованиям, которые предусматривают отсутствие подробностей, нет словесного портрета в обычном понимании, нет важнейшего эле-

⁸ В Словаре символов приводится длинный список символических значений руки, начиная с античности. Описываются различные символические функции частей руки, ее положений, а также роль руки в иконографии различных религий (Словарь символов, Москва 2000. [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://enc-dic.com/symbol/Ruka-728/>).

⁹ В предисловии к изданию Жития, говорится, что это, возможно, источник греческого жития. Последнее написано Иоанном, патриархом иерусалимским и стало источником «Четий Минеи», составленных св. Дмитрием Ростовским и «Żywotów Świętych» ks. P. Skargi.

мента образа, обеспечивающего создание внешнего облика человека в сознании читателя.

Но именно в силу этой минимальной описательности (как конститутивного признака религиозной литературы) в изображении человека важны все упоминания, в том числе и отдельных частей тела, деталей одежды и т.д.

Рассмотрим текст (ЧМ). В тексте жития нет сколько-нибудь явного описания внешности святого. Между тем в тексте (объемом 4900 слов) рука как часть тела является предметом описания или упоминания – 38 раз.

Для словесного текста существенным является **субъект речи**. В основном о руке говорится в речи повествователя, однако встречается упоминание о руке и в прямой речи «персонажей»: в речи самого св. Иоанна Дамаскина (14 раз), в речи царя Льва (1), в речи Богородицы (1).

Попробуем установить явную и неявную существенность упоминаний и описаний этой части тела в тексте.

Хотя в событиях, описанных в Житии, много участников, упоминается в основном рука (часть тела) только св. Иоанна Дамаскина. Все упоминания сконцентрированы в трех участках фабулы: 1) **подделка**, 2) **отсечение и исцеление**, 3) **конфликт со старцем**.

В **ситуации подделки** (*послание Иоанна, писанное его собственной рукой...*, *...послание, написанное собственной рукою Иоанна.*) упоминание о руке связано с основной деятельностью св. Иоанна Дамаскина – писанием текстов. Употребление *отдали его в руки царю* в описываемой ситуации подразумевает не часть тела, оно имеет значение ‘непосредственно’.

При передаче содержания поддельного письма в житии имеется три употребления слова **рука** в нетелесном значении: [царь Лев] *Извещаю тебя, что город наш Дамаск, находящийся в руках сарацин, плохо охраняется и совсем не имеет крепкой стражи, войско в нем – слабое и малочисленное. и тогда ты без труда возьмешь город в свое владение, в сем много помогу и я, потому что город и вся страна – в моих руках.... живущий в твоём государстве, частыми своими посланиями ко мне побуждает меня нарушить мир и обещает мне отдать город Дамаск в мои руки без труда, если я неожиданно пришлю свое войско.*

Примечательно, что непосредственно перед ситуацией **отсечение и исцеление** св. Иоанн Дамаскин, отвергая обвинения в преда-

тельстве, дважды упоминает о руке: *Буквы в этой хартии несколько походят на письмо моей руки, однако не моя рука писала сие*. В случае отсутствия глаголов (которые здесь явно избыточны), употребление имело бы значение 'почерк'¹⁰. Глаголы же подчеркивают не только, телесное значение руки, но то, что рука действовала самостоятельно, сама по себе, отдельно от человека. Св. Иоанн Дамаскин как будто предчувствует будущую «отдельность» руки.

Следующие несколько раз упоминается о руке при изложении **ситуации отсечения**: [князь]... *повелел отсечь неповинному Иоанну правую руку... И отрубили правую руку у Иоанна, – ту руку, которая укрепляла правоверных о Боге;... эта рука, обличившая своими писаниями ненавидящих Господа. ... После казни, рука Иоанна повешена была на рынке*. Из приведенных пяти упоминаний только два имеют существенную конкретизацию: напоминание о правде, о том, что Иоанн не был предателем. Но ни одна из конкретизаций не является характеристикой внешней стороны предмета. Это не описание.

Далее упоминания о руке предшествуют Божественному ее исцелению. Св. Иоанн Дамаскин просит князя: *Увеличивается болезнь моя, и невыразимо меня мучает, не могу иметь отрады до тех пор, пока усеченная моя рука будет висеть на воздухе; молю тебя, господин мой, прикажи отдать мне мою руку, чтобы я мог похоронить ее в земле*.

В связи с принципиальной неописательностью житийной литературы (в отличие от художественной) для нее нехарактерны даже определения, способствующие визуализации повествования. Именно потому становится заметным согласованное определение *...пока усеченная моя рука будет висеть, ... взяв усеченную руку, Иоанн вошел, ... приложил отсеченную руку к суставу*». Неразнообразные определения подчеркивают только один признак – тот, который связан с наказанием.

Ситуация молитвы и исцеления по молитве является кульминационной не только в событийном отношении, но и в изображении рассматриваемой части тела.

В молитве св. Иоанна Дамаскина есть несколько упоминаний о руке: *Владычице Пречистая Мати, рождшая Бога Моего, вот правая моя рука отсечена ради Божественных икон. ... поспеши же на помощь и исцели мою руку. Десница Вышнего, воплотившаяся из Тебя, ради*

¹⁰ Кстати, именно так и описана эта ситуация в Арабском житии.

молитв Твоих совершает многие чудеса, посему молю я, чтобы и мою десницу исцелил Он по Твоему ходатайству. О Богомати! Пусть сия рука моя напишет то, что Ты Сама позволишь в восхваление Тебя и Сына Твоего,

Богородица в ответе Иоанну тоже дважды упоминает о руке: *Рука твоя теперь здорова, не скорби об остальном, но усердно трудись ею, как обещался мне, сделай ее тростью скорописца.*

Таким образом, в обеих репликах представлены два способа наименования: *рука* и *десница* в первом и *рука* и *трость скорописца* в ответных словах Богородицы. Считаем принципиально существенным такое разграничение: в синонимической паре первые наименования (*рука*) – маркируют прошлое (включая и то, что Иоанн писал против ереси и в защиту икон), вторые наименования маркируют будущее – посвящение своей деятельности писаниям и пению во славу Бога.

Можно допустить, что перифраза как разновидность фигуративной речи – своего рода компенсация отсутствия эпитетики, как заметного признака всякого описания.

Кульминационную часть завершает молитва св. Иоанна Дамаскина, в которой он упоминает дважды о руке Господа и один раз о своей: *Десница Твоя, Господи, прославилась силою, ... десная Твоя рука исцелила мою усеченную десницу и сокрушит врагов, непочитающих Честного Твоего и Твоей Пречистой Матери образа, и уничтожит ею, для возвеличения славы Твоей, врагов, уничтожающих иконы.*

Нам представляется, что использование *десница* по отношению к руке Господа и своей руке (учитывая такое же параллельное употребление в предыдущей молитве) изображает этим подобием номинации веру в результат молитвы.

Примечательно, что после кульминационных моментов отсечения и исцеления с существенным для смысла изменением наименования объекта в дальнейшей ситуации объяснения князю причины исцеления упоминания о руке возвращаются к обычному однообразию: *На суставе, от которого была отсечена рука..., ... для очевидного показания бывшего отсечения руки..., ... так хорошо присоединил руку к суставу..., ... и сделал здоровую руку.*

В следующем участке фабулы **конфликт со старцем** рука «присутствует» по-разному: либо имплицитно, например в просьбе написать песнь, либо в значении 'непосредственно сам' в приказе старца:

пусть он очистит своими руками проходы всех келий, либо весьма подробно: начал он с усердием исполнять повеление, касаясь нечистот теми руками, которые прежде умащал разными ароматами, и оскверняя нечистотами ту десницу, которая чудесно была исцелена.

Здесь наблюдается подобное тому, что отмечали выше, противопоставление руки до и после чуда. Здесь различие в наименовании *рука* / *десница* еще раз подчеркивает два состояния персонажа, причем оба упоминания подчеркнуты параллелизмом придаточных определительных, в которых описаны разные воздействия на руку (*умащать* / *исцелять*).

Важнейшее упоминанием о руке в описании разрешении конфликта: [старец] *обнял его и целовал голову, плечи и руки его...*, которое конечно, соотносится с предыдущим требованием работать *своими руками*. И далее: *Взяв Иоанна за руку, старец ввел его в свою келию, где упоминание о руке, будучи избыточным, так как конструкция ввести в... уже подразумевает какой-либо жест, не только подчеркивает заботу старца, но и напоминает о событии исцеления.*

Интересно, что старец, передавая Иоанну слова Богородицы, переформулировал напутствие Богородицы, он поменял тип речи: в речи Богородицы (где подразумевается рука) *он напишет догматы православной веры и обличит еретические лжеучения*, в речи старца: *Открой уста твои, Крепко возноси голос твой.*

Далее меняется способ именования руки: в речи св. Иоанна Дамаскина: *Первую свою книгу Иоанн начал такими словами: «Твоя повелительна десница боголепно в крепости прославися, в речи повествователя: По поводу же чудесного исцеления своей десницы, он, в восторге радости, так воззвал к Богородице...*

Последнее завершающее упоминание о руке в (ЧМ) является косвенным, оно опять маркирует дочудесное состояние св. Иоанна Дамаскина, и характеризует плат – предмет, которые впоследствии будет напоминать о событии исцеления: *Плат, коим была обвита отсеченная его рука, Иоанн, в воспоминание дивного чуда Пречистой Богородицы, носил на своей голове.* Последующее описание жизни св. Иоанна Дамаскина не содержит ни одного прямого упоминания о руке, но только имплицитные (писания св. Иоанна Дамаскина).

Итак, в (ЧМ) собственно о руке св. Иоанна Дамаскина в отмеченных участках фабулы речь идет 31 раз. Между тем словоформа *рука* в тексте ЧМ встречается 38 раз, что значительно больше

упоминаний о части тела. Дело в том, что в ряде случаев словоформа *рука* является элементом устойчивых выражений, в том числе компонентом различных фразеологизмов: [отец Иоанна] *выкупал пленных, заключенных в темницах освобождал от оков и избавлял от смерти и всем страждущим подавал руку помощи; ...Восстав и воздев руки к небу, он вознес благодарение Богу и Богоматери* – здесь повествователем описывается жест, в котором существенно не упоминание органа жестикуляции, но символическое значение жеста. И еще: *Да и какая будет польза, находящемуся в послушании, иметь в руках дела, а в устах ропот, исполнять приказание, а языком или умом прекословить, и когда такой человек будет совершенным?*

Интересно, что все поговорки употреблены только в речи повествователя, включая и фрагмент поддельного письма: *потому что город и вся страна – в моих руках*.

Итак, в (ЧМ) при минимальном упоминании о теле и в целом о внешности святого даже с учетом его телесных страданий каждое упоминание становится необычайно выразительным и содержательным, различия в номинации части тела обеспечивают дополнительные приращения смысла, концентрируя внимание читателя не на внешней стороне деятеля и действия, а на духовной составляющей события.

Подчеркнем, функция *плата* (в других описаниях *чалмы, тюрбана*) символична. Это постоянное напоминание о чуде исцеления тела, но при этом без физиологических подробностей.

Текст «Żywot Ś. Jana Damascena» ks. P. Skargi из сборника «Żywoty Świętych Starego i Nowego Zakonu»¹¹ рассмотрим по аналогии с предыдущим текстом. Упоминание о руке встречается 19 раз в тексте (PS), содержащем 2801 слово. В 18 случаях употребляется собственно слово *рука* (*ręka*): *Gniewliwy pan wnetże kazał mi rękę prawą uciąć*. Кроме того, для наименования этой части тела в (PS) 1 раз используется слово *prawica*: *w mocy Twej prawica Twoja zleczyła ją*.

Собственно о руке св. Иоанна Дамаскина речь идет 14 раз. В речи повествователя (7) – *Te obydwie listy posłał onemu Saracenowi, z których rozgniewany, zawołał Jana Damascena i ukazał mi on list sfalszowany, wyrażeniem zdradliwym pisania ręki jego*. В прямой речи «персонажей»:

¹¹ Żywoty Świętych Starego i Nowego Zakonu. Т. 2, Wydawnictwo Księży Jezuitów, Kraków 1934, s. 290–297.

Богородицы – (1) *on obraz Panny Przczystej łaskawie do niego rzekł: Oto uzdrowiona jest ręka twoja*, в том числе в речи св. Иоанна Дамаскина – (4), из них 2 раза в его речи к Богородице: *Gospodo Przechwiała Matko, któraś porodziła Pana Boga mego, dla świętych obrazów ta moja ręka odcięta jest*. И 2 раза в обращении св. Иоанна Дамаскина к Богу: *I wielbił wielkim głosem miłosierdzie Boskie, mówiąc: Prawa ręka Twoja uwielbiona jest, w mocy Twojej prawica Twoja zleczyła ją*.

Текст не содержит, как и (ЧМ), описаний руки. Заметным отличием этого текста от (ЧМ) является отсутствие фразеологизмов с компонентом *рука*.

В описанных в (PS) ситуациях рука представлена также имплицитно. В отличие от (ЧМ) в одном из употреблений подразумевается рука еретиков, выметающих иконы из храмов: *W ten czas cesarz Leo Izaurykus wniósł przekłete heretyctwo obrazoburskie, chytrością i mocą je rozszerzając, a obrazy z kościołów wymiatając*.

Интересно, что в описании ситуации с подделкой слово *рука*, как и в (ЧМ) употребляется в значении 'почерк': *i naśladowując własność liter i pismo ręki jego, napisać kazał cesarz heretyk list taki, jakoby Damascenus do niego te słowa pisać miał*. В рассматриваемом тексте как и в (ЧМ) тоже подчеркивается парадокс, обеспечиваемый двумя значениями лексемы *рука*: *рука* как часть тела страдает из-за подделки *руки* (почерка).

Рука отсеченная фигурирует в тексте (PS) также и как предмет устрашения: *Oną rękę, która się pisaniem przeciw heretykom o obrazy zastawiała, i kazał ją na rynku wysoko zawiesić*.

Далее о руке упоминается, как и в тексте (ЧМ), при описании просьбы к халифу вернуть руку, а также в молитве о руке: *Jan święty, cierpiąc ból wielki, a do Pana Boga w niewinności swej wołając, w wieczór wskazał do pana swego, prosząc go, aby mu oną rękę posłał, mając nadzieję, iż skoroby pogrzebiona była, wielki ból jego uskromić się Miał*.

О своей руке св. Иоанна Дамаскина говорит в молитве к Богородице: *daj mi potoc, bo ręka Najwyższego, który się w Tobie wcielił, na modlitwę Twoją wielkie cuda czyni tym, za których się Ty u Niego wstawiasz. Niech uzdrowi, proszę Cię, tę rękę moją dla prośby Twojej, abych ja Jego i Twoją sławę tą ręką rozmnażał, a pisaniem bronił prawowiernej nauki*.

Кульминационной как и в (ЧМ) является ситуация обращения Богородицы, к молящемуся св. Иоанну Дамаскину: *Oto uzdrowiona jest ręka twój, nie leń że się napotem robić nią, tak jakoś obiecał*, а также

обращения св. Иоанна Дамаскина к Богу с благодарностью и обещанием: *Prawa ręka Twoja uwielbiona jest, w mocy Twej prawica Twoja zleczyła ją, i porani nieprzyjaciół, którzy obraży Twoje i Przeczystej Matki Twej w nie czci rozbijają i palą*. В этой ситуации руке св. Иоанна Дамаскина приписывается признак (*uzdrowiona*), но в отличие от (ЧМ) нет употребления *prawica* применительно к св. Иоанну Дамаскину.

Интересно, что фрагмент, насыщенный глаголами, изображает будущую деятельность. Действие, которое обещает совершить св. Иоанн Дамаскин своей рукой, выражено метафорой – *porani nieprzyjaciół*.

После чудесного исцеления, как и в (ЧМ), о руке сообщается в основном имплицитно, с помощью глагола *pisać*.

Существенным отличием (PS) от (ЧМ) является то, что о руке говорит братия монастыря, обсуждая наказание старца, которое им кажется чудовищным, так как оно оскорбляет *чудесную руку: ręką oną, która (cudownie zleczona) sławę Boską rozsiewała i wiary świętej broniła, wszystkie nieczystości chędożył, nic się nie wstydyząc*.

Сопоставляя слова Бога (в (ЧМ) это слова Богородицы), обращенные к старцу, и то, что пересказал старец св. Иоанну Дамаскину, видим, во-первых, отсутствие прямого упоминания о руке и, во-вторых, в обоих репликах имплицитное указание на руку употреблением отглагольного существительного: *nauka i pisanie Kościołowi Bożemu..., a uweselał Jeruzalem słodkiem pisanem i nauką Twoją*.

В отличие от (ЧМ) старец не заменяет «писание» «пением», но только украшает действие эпитетом *słodkiem* (приятным для Бога, сладким для сердца).

Дальнейшее повествование в (PS) в отношении изображения руки совпадает с (ЧМ): после того, как старец передал слова Бога, упоминание о руке только имплицитное: глаголом *писать* (*pisać*) и его производными: *Od tego czasu udał się na pisanie ś. Jan..., Pisał przeciw heretykom...*

Итак, сравнение двух жанрово идентичных текстов показывает следующее. С одной стороны мы видим строгое следование правилу, канону: все три ситуации (**подделка, отсечение и исцеление, конфликт со старцем**) являются существенными для рассматриваемой части тела в обоих текстах, другое проявление следования канону изображения святого – это отсутствие описательности и опора на событийную сторону, в котором становятся важными также имплицитные изображения (в основном в упоминаниях о письме). От-

существование описательности увеличивает релевантность переименований (*десница, трость скорописца*), а также повторов (*десница* Бога и *десница* Иоанна). Пожалуй, самым заметным отличием в представлении рассматриваемого предмета в двух текстах является такая деталь внешности св. Иоанна Дамаскина, как плат.

Характерно, что в тексте P. Skargi нет упоминания об этом платке, а внешность описывается с помощью фразеологического оборота: «*a sam się nagi za nagim Chrystusem do klasztoru świętego Saby puścił*» (PS).

В целом в (PS) в описании внешности святого отсутствует этот очень важный символ, напоминающий о мучении и божественном исцелении. Характерно, что в Чтениях на каждый день говорится: «*W ikonografii św. Jan Damasceński ... ze zwojem w rękę i w **turbanie na głowie**, wskazującym na jego arabskie pochodzenie*»¹², то есть в католической трактовке внешнего облика св. Иоанна Дамаскина турбан – это только свидетельство арабского происхождения св. Иоанна Дамаскина.

Вернемся к православной иконе св. Иоанна Дамаскина. На ней нет изображения мучений, связанных с рукой. Но о длинной цепи важнейших событий (писаниях в защиту икон, коварной подделке руки, отсечении руки, мучениях, молитве и божественном исцелении руки) свидетельствует его головной убор – плат, которым была прежде повязана искалеченная рука.

Рассмотрение особенностей изображения св. Иоанна Дамаскина в текстах художественной литературы в поисках жанровой специфики описания внешности – предмет нашей дальнейшей работы.

BIBLIOGRAFIA

- Аверинцев С.С., 1996, Риторика и истоки европейской литературной традиции, Москва.
- Архимандрит Рафаил, 1997, О языке православной иконы, Санкт-Петербург.
- Литературный энциклопедический словарь, 1987, Москва.
- Словарь символов, 2000, Москва (Электронный ресурс Адрес доступа: <http://enc-dic.com/symbol/Ruka-728/>).
- Historia ciała. T. 1, Od renesansu do oświecenia / tom pod red. Georges'a Vigarello; aut. Daniel Arasse [et al.]; przeł. Tomasz Stróżyński, Slowo/obraz terytoria, 2011, Gdańsk.

¹² <http://www.brewiarz.katolik.pl/czytelnia/swieci/12-04a.php3>.

Żywoty Świątych Starego i Nowego Zakonu. T. 2, Wydawnictwo Księży Jezuitów, 1934, Kraków.

PRESENTATION OF THE HAND IN THE PORTRAIT OF REVEREND JOHN DAMASCEŃKI

Summary

Analysis of descriptions of the Saints and characteristics of their appearance includes a number of problem areas: a linguistic portrait, linguistic and non-linguistic ways of describing the Saint and a problem of the body in culture. The paper concentrates on the means of describing the hand – a part of the body of Saint John of Damascus, which was a source of suffering and divine healing.

A linguistic comparison of Saint John of Damascus' history in Четьи Минеи св. Димитрия Ростовского (1689–1705) and Lives of the Saints of Old and New Order by priest P. Skarga shows that short description as the main feature of religious literature, explicit and implicit mentioning about the hand, both direct and descriptive one, take on significant meaning. A detailed analysis of the words used in both texts shows an important extension of the semantic field, relevant for the expression of religious meanings.

Key words: Literature, portrait, description, shawl, turban

PRZEDSTAWIENIE RĘKI W PORTRECIE WIELEBNEGO JANA DAMASCEŃSKIEGO

Streszczenie

Badanie cech charakterystycznych przedstawienia wyglądu zewnętrznego w opisach świętych znajduje się na styku kilku obszarów problemowych: portretu językowego, specyfiki językowego i niejęzykowego przedstawienia świętego, problemu ciała w kulturze. W artykule rozpatrzone zostały cechy charakterystyczne przedstawienia ręki – części ciała świętego Jana Damasceńskiego, która była źródłem cierpienia i boskiego uzdrowienia.

Analiza odzwierciedlenia językowego historii św. Jana Damasceńskiego w porównywanych ze sobą tekstach Четьи Минеи св. Димитрия Ростовского (1689–1705) i Żywotach Świątych Starego i Nowego Zakonu ks. P. Skargi pokazała, że minimalna opisowość jako konstytutywna cecha literatury religijnej sprawia, że wszelkie eksplicytne i implicytne wzmiankowanie o ręce, zarówno bezpośrednie, jak i opisowe, nabiera istotnego znaczenia. Szczegółowa analiza użycia wyrazów pozwoliła wykazać ważne rozszerzenie pola semantycznego, istotne dla wyrażenia znaczeń religijnych.

Słowa kluczowe: literatura, portret, opis, chusta, turban